

Тёртые калачи

Весть о том, что в покоях великого вана поселился новый советник, разлетелась по столице меньше чем за полдня.

Армия Чжэньбэй насчитывала пятьсот тысяч воинов. Если не считать разрозненные отряды, удерживающие крепости или усмиряющие бандитские шайки, в самом округе Яньмэнь было сосредоточено около трёхсот пятидесяти тысяч человек. Они занимали почти весь город.

Пока воины стояли на страже границ, их семьи были истинной живой силой здешних мест: они возводили стены, открывали лавки, пахали землю и ткали полотно. Каждый был винтиком в этом огромном механизме. Казалось бы, в таком месте должен царить идеальный порядок, и отчасти так оно и было — мелкие кражи здесь случались редко. Но если уж в Яньмэне происходило нечто из ряда вон выходящее, это неизменно оборачивалось катастрофой.

Вернувшись в дом Цзянь Цяо, Сяо Жун принялся с воодушевлением собирать вещи. Впрочем, собирать было особо нечего: А Шу даже не успел развязать вчерашние узлы.

Пока хозяин и слуга шли к дворцу, юноша вновь разглядывал жителей округа. Ему казалось, что дух этих людей куда крепче, чем у обитателей других земель. Будь то Южная Юн или города к северу от реки Хуай, тамошние обыватели вечно куда-то спешили, словно кто-то гнал их в шею. Сделав дела, они сразу запирались дома, боясь лишнюю минуту провести на улице. Никто не знал, что принесёт следующий час: принудительный рекрутский набор или набег разбойников.

В Яньмэне всё было иначе. Здесь горожане чувствовали себя среди своих и верили они только своим. Но кто мог знать, что эта кажущаяся монолитной армия Чжэньбэй на деле давно изъедена предательством? Шпионы и изменники плодились целыми гнездами. То ли они были искусными актёрами, то ли Цюй Юньме и его приближённые были слишком слепы, но они раз за разом наступали на одни и те же грабли, не замечая очевидного.

Покачав головой, Сяо Жун решил пока попридержаться свои выводы. В сопровождении стражи он отправился к месту своего нового пристанища.

Появление молодого человека вызвало лёгкое волнение в определённых кругах. На самом деле он был не единственным советником, жившим во дворце. Здесь же обитал и Гао Сюньчжи — личность, чьё имя в истории сияло ярким светом. Этот человек обладал огромным весом как в глазах воинов, так и в глазах самого государя. Он был из тех, кто стоял у истоков создания армии Чжэньбэй, прошёл с ней через все невзгоды и не чаял в людях души. Старик так и не завёл семьи, и Цюй Юньме был для него почти сыном. Среди окружения великого вана всегда

не хватало толковых книжников, и почти все судьбоносные решения исходили от Гао Сюньчжи. Вот только... стоило государю заупрямиться, и он переставал слушать даже своего наставника.

Будь наставник рядом с Цюй Юньме до конца, он мог бы удержать его от многих роковых ошибок. Но история не знает сослагательного наклонения. Гао Сюньчжи суждено было умереть на два года раньше правителя, и в решающий час он уже ничем не мог помочь.

Сяо Жун переехал во дворец, и, казалось бы, Цзянь Цяо это больше не касалось. Однако генерал всё же подкупил стражника, чтобы тот поселил юношу по соседству с господином Гао. Тот всегда жаждал талантов и был куда терпимее государя. Если случится беда, подобная близость поможет советнику вовремя вмешаться.

Генерал питал к Сяо Жуну почти слепое доверие. Ему казалось, что этот человек обладает исключительными способностями: и гадает верно, и из любой передрыги сухим выходит. Было бы величайшей потерей, если бы такой талант не стал своим, а пал от меча великого вана.

Пока Гао Сюньчжи отсутствовал, Цзянь Цяо считал своим долгом приглядывать за Сяо Жуну. Поэтому, когда государь созвал советников, чтобы обсудить мятеж в области Ичжоу, генерал, вместо того чтобы муштровывать солдат на плацу, тоже протиснулся в зал.

Сяо Жун пришёл раньше и уже занял место — не слишком близко, но и не слишком далеко, так, чтобы всё слышать, но не мозолить глаза Цюй Юньме. Цзянь Цяо, оглядев зал, решил, что позиция выбрана удачно, и принялся негромко переговариваться с соратниками.

Именно в этот момент и начались неприятности.

С того самого мига, как Сяо Жун переступил порог дворца, остальные советники не сводили с него глаз. Втихомолку они уже провели не одно совещание, гадая, как подступиться к новичку. Армия Чжэньбэй была «пустыней» для образованных людей. Истинные таланты редко забредали в эти края, а те, кто всё же являлся, быстро сбегали, оскорблённые пренебрежением солдат.

И всё же в свите великого вана числилось около десятка «мудрецов». Были ли они терпеливее других? Вовсе нет. Просто им некуда было идти. Они не хватали звёзд с неба, не могли найти места получше, боялись смерти или довольствовались скудным жалованием — лишь бы дожить свои дни в покое. Это были настоящие «тёртые калачи». Каждый день они думали не о благе государя, а о том, как бы не потерять своё тёплое местечко.

Такой человек, как Сяо Жун — деятельный и по-настоящему знающий — сразу стал для них костью в горле. Сначала они ждали, что новичок придёт к ним с поклоном, дабы засвидетельствовать почтение. Но юноша не только не явился, но и не прислал положенных по негласным правилам подарков и вина. Он попросту не знал об этих обычаях, да и знай он о них — вряд ли стал бы тратить.

Старые обиды смешались с новыми, и неприязнь к Сяо Жуну только крепла. Увидев в зале это новое, сияющее лицо, «мудрецы» на миг замерли, переглянулись и решили действовать. Среди книжников коварство редко требует крови — достаточно лишь капли пренебрежения и толики сарказма, чтобы заставить человека страдать.

Сяо Жун не замечал сгущающихся туч, он был погружён в свои думы. Лишь когда рядом возникла тень, он поднял голову. Перед ним стоял старик с седой бородой и фальшиво-мудрым взором.

— Юный друг, ты занял не своё место, — проговорил он. — Это моё сиденье. Твоё — вон там, в самом конце.

Сяо Жун посмотрел на место, на которое указывал старик, — самый последний ряд. Затем он перевёл взгляд на незваного гостя и спокойно ответил:

— Стража доложила мне, что, за исключением канцлера Гао, места для господ советников не распределены.

Пожилой человек приторно улыбнулся:

— Всё так. Однако я уже в годах, и зрение моё, и слух не те, что в молодости. Я привык сидеть именно здесь. Не соблаговолит ли юный друг проявить почтение к старшим и уступить мне это место?

Голос его был тягучим и вкрадчивым — из тех, что вызывают невольное желание ударить. Расчёт был прост: в обществе, где почитание старших возведено в абсолют, отказать старику значило покрыть себя позором. Если Сяо Жун посмеет возразить, эта свора книжников мигом утопит его в презрении.

Но юноша не собирался безропотно сносить обиду. Глядя в глаза собеседнику, он внезапно улыбнулся. Тот опешил, не ожидая такой реакции. Сяо Жун набрал в грудь воздуха, внезапно схватился за сердце и... зашёлся в яростном, раздирающем кашле.

— Господин прав! Кха-кха!.. — юноша согнулся пополам. — Ваше здоровье слабо, и мне... кха-кха... как младшему, надлежит уступить. Мой же недуг... кха-кха-кха... неизлечим, и бог знает, сколько дней мне осталось топтать эту землю. Ваша служба государю куда важнее... Присаживайтесь, господин... Кха-кха-кха-кха!

С этими словами он попытался подняться, но, охваченный новым приступом, рухнул обратно на сиденье. Откинувшись на спинку, Сяо Жун принял вид человека, находящегося на пороге смерти, и негромко, но так, чтобы слышали все, прохрипел:

— Что же вы стоите?! Помогите мне подняться, чтобы этот почтенный старец мог занять своё

любимое место!

Старик застыл.

«Ах ты, паршивец!..» — едва не вырвалось у него.

Он сам чуть не захлебнулся от злости. Он пытался давить на старость, но Сяо Жун выставил против него целый букет: и молодость, и болезнь, и скорую смерть. Все присутствующие обернулись к ним. Даже соратники старика смотрели на него с подозрением — не перегнул ли он палку, измываясь над умирающим? Потерпев сокрушительное поражение, тот позорно ретировался. Сяо Жун ещё пару раз картинно кашлянул и, убедившись, что на него больше не смотрят, удовлетворённо выпрямился, ожидая начала совета.

Цзянь Цяо, наблюдавший за этой сценой, лишь мысленно сокрушался.

«И как я мог сомневаться, что господин Сяо сам со всем справится? Каюсь»

С приходом Цюй Юньме о недавней выходке забыли. Началось обсуждение дел в области Ичжоу. Сяо Жун помалкивал. Он понимал, что почти не знает государя. В прошлый раз ему помогли лишь удача и находчивость. Оказалось, что великий ван, при всей своей кровожадности, способен на великодушие — он стерпел оскорбление. Но нельзя же вечно полагаться на везение. Для начала стоило разобраться в сути дела.

События в Ичжоу не казались чем-то судьбоносным. Юноша чувствовал: это лишь ширма, маловажный эпизод. Как бы ни решился этот вопрос, на удачу Цюй Юньме он не повлияет — сердце юноши хранило спокойствие, не отзываясь ни болью, ни радостью.

Военачальники и чиновники галдели наперебой. Сяо Жун слушал их и понимал: всё это — пустой трép. Советники просто отсиживали часы, не предлагая решений, а лишь сокрушаясь о тяготах армии, страданиях народа и коварстве кочевников-сяньби. У молодого человека сводило челюсти от скуки. Если правитель и раньше казнил подобных бездельников, то он начинал его понимать.

Он уже начал клевать носом, когда атмосфера в зале резко изменилась. Голоса смолкли. В воцарившейся тишине зазвучал резкий, полный вызова голос.

Сяо Жун вскинул голову. Говорил молодой человек лет двадцати пяти. Порывисто жестикулируя, он в лицо бросал Цюй Юньме обвинения. Он называл государя безрассудным и жестоким. По его словам, мятеж в Ичжоу был целиком на совести вана: его неумение править и кровавые расправы над местной знатью привели к катастрофе. Оставшиеся в живых аристократы в гнев объединились с сяньби, принесли округа Шэньли и Цзяньян в жертву своей

мести.

Юноша замер. Неужели в этом мире есть кто-то ещё более отчаянный, чем он сам?

Он пропустил начало спора, но было ясно: Цюй Юньме пытался отвечать, но критика становилась всё ядовитее. Теперь государь молчал, лишь свинцовым взглядом сверля наглеца. Все, кроме Сяо Жуна, понимали, к чему идёт дело. Никто не смел заступиться — этот человек не в первый раз испытывал терпение вана. Раньше его спасал Гао Сюньчжи, но теперь даже наставник опустил руки.

Наконец чаша терпения переполнилась. Цюй Юньме резко вскочил, в гневе взмахнув рукавом:

— Ты смеешь возлагать вину за Ичжоу на меня?! Не будь меня, Ичжоу давно бы перестал существовать! Довольно слов. Раз ты считаешь меня преступником, тебе нечего делать в Яньмэне. Стража! Вывести его и обезглавить!

Сяо Жун оцепенел. Он не собирался вмешиваться — он был здесь чужаком. Но внезапно тело предало его.

Сердце забило в бешеном, рваном ритме. Это не было волнением или страхом — казалось, оно вот-вот разорвёт грудную клетку. Сяо Жун судорожно вздохнул, чувствуя, как кровь закипает в жилах. Перед глазами поплыли золотые искры. Превозмогая дурноту, он вскочил с места и выкрикнул на весь зал:

— Остановитесь!

— Государь, молю, остановитесь!!!

<http://bllate.org/book/15355/1413452>